

РУССКИЙ МИР КРАСНОГО СЛОНА

Ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников» иерей Вячеслав УМНЯГИН рассказал «НА» о Русском мире Соловецкого лагеря особого назначения, межнациональных отношениях в СЛОНе и поисках истины, которые не прекращались даже в самые трудные времена.

— ПЕРВОЕ, на что обращаешь внимание при изучении воспоминаний узников, — какие непохожие люди находились в неволе! И с точки зрения социального происхождения, и национальной принадлежности, и веры, которую они исповедовали. Конечно, чаще всего авторами мемуаров становились русские, которые составляли большинство заключённых на протяжении всей истории ГУЛАГа. Но среди писателей встречаются белорусы, евреи, ингуши, индусы, поляки, украинцы, финны, швейцарцы. Примечательно, что даже они нередко относили себя к представителям Русского мира. Например, военный историк Георгий Габаев, прямо писал, что «всегда считал себя русским, хоть и грузинско-французского происхождения». Второе, что привлекает внимание при чтении текстов о Соловецком лагере, — то, что в творчестве этих очень разных во многих других отношениях людей затрагиваются общие темы: отношения с уголовниками, отношение к интеллектуальной деятельности и труду, осмысление окружающего мира. Абсолютно все пишут о побеге: осуществлённом или желаемом. А вот об этноконфессиональных отношениях не пишет почти никто.

— Почему? Этих отношений в лагере не было?

— Разумеется, были, но их природа была иной, непривычной для нас и во многом поучительной. И то, что об этом не писали, то есть не рассматривали тему национальных отношений в качестве проблемы, характеризует эпоху и вызывает вполне естественный научный и гражданский интерес. Да, этническая принадлежность могла упоминаться наряду с возрастом, специальностью, образованием и другими социальными чертами. Но сущностным определением в подавляющем большинстве случаев она не становилась. Главным в оценке личности выступало то, как тот или иной человек относился к лагерному начальству и к другим заключённым.

— Национальная и религиозная идентичность при этом сохранялась?

— Никто не скрывал, что он мусульманин, католик, протестант или православный. Люди оставались теми, кто они есть: детьми своего народа и представителями своего вероисповедания. Сохраняли свою личностную основу, которая, естественно, формировалась под влиянием национальных и религиозных традиций. Но камнем преткновения такие особенности не становились. Например, у Бориса Ширяева встречается описание православного Рождества, которое вместе встречали православный, старообрядец, мусульманин,

католик, лютеранин и иудей. Похожий случай упоминается в воспоминаниях белоруса Бориса Солоневича. Самым авторам такое развитие событий казалось вполне естественным, не требующим особых объяснений.

— Представители одной национальности держались вместе на Соловках?

— Малочисленные группы, безусловно. К тому же чаще всего в 1920–1930-е годы они сидели по групповым делам. Например, якуты или мусаватисты — представители азербайджанской интеллигенции. Кстати, зная русский язык, они не общались с представителями лагерной администрации, но при этом признавались узникам, которые заботились о них и помогали им, что «таких русских мы любим». Да, люди держались вместе, но не конфликтовали с русскими заключёнными, а те, составляя абсолютное большинство, не подавляли представителей других национальностей. Индус-мусульманин Саид Курейши начинает свои воспоминания со слов: «Моя нерусская национальность ставила меня в особенно благоприятные условия — ко мне очень сердечно относились мои собратья по заключению».

— Отмечать религиозные праздники не возбранялось?

— Представители советской власти, которая ставила задачу по уничижению любой религии, разумеется, проявления веры не приветствовали. Заключённым запрещалось брать благословение у

Фото М. Скрипкина

священнослужителей, за участие в тайных богослужениях грозило наказание от увеличения срока до расстрела. Но при этом известно, что комендант первого соловецкого отделения с середины 1920-х годов Ауге имел два взывания по партийной линии: первое — за «вступление в брак по церковному обряду», второе — «за выпивку». Жена другого соловецкого начальника Баринаова не только ревностно посещала храм, но и крестила своего ребёнка на Соловках. И таких парадоксов немало.

Михаил Розанов объяснял подобные вещи тем, что в течение первых лет после октябрьских событий люди сохраняли устои, определённые до революционным воспитанием, которое, несмотря на известные издержки и несовершенство, содержало заметный религиозный сегмент. В результате, даже совершая какие-то предосудительные поступки, люди хотя бы понимали,

что поступают неправильно.

И это отнюдь не мелочи. К тому же у всех групп населения были духовные и нравственные точки соприкосновения, которые стирали сословные границы и служили делу консолидации общества.

Вообще очень многое из того хорошего, что происходило в местах лишения свободы и во всём российском обществе, на мой взгляд, было наследием тысячелетней христианской истории. Последующие поколения русских людей, воспитанные в атеистическую эпоху, при всех качествах души, самоотверженности и искреннем желании послужить своему Отечеству часто не имели безусловных критериев истины и совершали роковые ошибки в личной и общественной жизни. Помимо прочего со временем это стало оказывать влияние на межнациональные отношения в ГУЛАГе.

— Когда произошли эти перемены и в чём они заключались?

— Думаю, что с середины 1930-х годов, когда на историческую сцену вышло новое поколение, которое было воспитано не на любви, лежащей в основе христианской веры, а на классовой ненависти — важнейшем постулате большевистской идеологии. Переломным моментом стало начало Второй мировой войны, когда по политическим причинам в лагерь начали массово прибывать представители различных этнических групп. В воспоминаниях узников, которые уже после Соловков оказались в других местах лишения свободы, встречаются упоминания межнациональной неприязни среди заключённых. Упоминают они и об изменениях в сознании русских людей. Ведь 1920–1930-е годы — это не только отражение духовного потенциала нации — разрушаемого, но не сломленного. Ещё живо было связанное с ним имперское сознание, способное объединять самых разных людей для решения общих геополитических задач. Отражением такого сознания, яркого про-

явления понятия Русского мира — является лингвистическая особенность нашего языка, указывающая на важнейший аспект российского менталитета. Для обозначения представителей других национальностей всегда используются существительные, то есть главным становится кто — тот или иной человек по роду, крови или происхождению: француз, немец, поляк. Слово «русский» — это прилагательное, оно выдвигает на первый план личные качества человека. Важным становится не кто, а какой ты. И в этом смысле, русским, причём в лучшем и высшем смысле этого слова, может стать абсолютно любой человек. Главное, при таком подходе, — состояние души.

— Были ли случаи, чтобы именно в лагере человек обрёл веру?

— Немало, и это естественно. В комфортной обстановке человек о Боге, к сожалению, часто не вспоминает. А когда встаёт на грань жизни и смерти — всё меняется и приобретает иное измерение. Офицер Юрий Бессонов в книге «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» рассказывает о том, как он пришёл к вере. Вспоминает, что в училище зубрил катехизис, на фронте в церковь ходил по наряду, но настоящая встреча с Богом у него произошла именно в условиях неволи.

Вообще лагерная действительность многими заключёнными воспринималась как пребывание в аду. Даже представителями социалистических партий, казалось бы, далёкими от религии. Например, мемуары меньшевика Давида Бацера называются «Соловецкий исход» — явная библейская коннотация. При этом в воспоминаниях вопросы веры, внутренние переживания обычно не подчёркиваются. Вера для многих соловецких узников была естественным состоянием души. О ней не писали, ею жили...

Беседовала Полина НИКОЛАЕВА, о. Большой Соловецкий, Архангельская обл.

Фото Е. ГУРЬЕВА